

«14 пунктов» и формирование «русской политики» Вудро Вильсона

Сергей Листиков

Woodrow Wilson's 14 Points and the Formation of his Russian Policy *Sergei Listikov (Institute of World History, Russian Academy of Sciences)*

Русско-американские отношения в период революции 1917 г., Гражданской войны и интервенции западных держав в России неизменно вызывают интерес и полемику среди историков. При этом мало кто из исследователей сомневается в искренней приверженности президента США В. Вильсона принципам самоопределения наций и равноправия больших и малых народов и в его стремлении к организации справедливого послевоенного миропорядка «без войн». Эти идеи были наиболее полно изложены им в знаменитых «14 пунктах», обнародованных 8 января 1918 г. Однако обычно считается, что желание хозяина Белого дома следовать этим принципам столкнулось с революционными пертурбациями и «большевистским экспериментом» в России, выходом её из войны, а также с мощным влиянием этих обстоятельств на развитие глобального конфликта и судьбы народов. Под давлением антибольшевистских сил в США и союзников летом 1918 г. президент принял спорное решение о присоединении его страны к интервенции¹. И всё же это выглядело как компромисс с собственными принципами или даже поспрашивание их. Размышляя об изменении позиции Вильсона, спровоцированной политикой большевиков в первые месяцы 1918 г., В.Л. Мальков писал: «Рубикон был пройден, мосты сожжены. Речь о “14 пунктах” можно было относить уже к разряду историко-литературных памятников. Вопреки провозглашённым им самим принципам родоначальник “новой дипломатии” сделал крупный шаг навстречу, как пишет известный американский исследователь Бетти Антербергер, “роковому решению 6 июля 1918 г.”. Санкция на интервенцию, получившая благословение Вильсона, на много лет вперёд стала доминантой в отношениях США с Россией Советов»².

Между тем и повороты вильсоновской политики, и обтекаемые формулировки «14 пунктов» не перестают удивлять историков, давая основания для разных интерпретаций. Как отметил видный исследователь Н. Сол, многие учёные нередко обходят молчанием содержащиеся в них характеристики советских властей, участвовавших в переговорах в Брест-Литовске, и «имеющее очевидную направленность обещание помощи» России, содержащееся в пунк-

© 2015 г. С.В. Листиков

¹ *Foglesong D.* America's Secret War Against Bolshevism: US Intervention in the Russian Civil War, 1917–1919. Chapel Hill, 1995. P. 2, 24–38, 64–65; *Kenman G.F.* Russia Leaves the War. Princeton, 1956. P. 243–274, 312–320, 372–377, 509–514; *idem.* The Decision to Intervene. L., 1958; *Link A.S.* Woodrow Wilson. Revolution, War and Peace. Arlington Heights (Ill.), 1979. P. 12, 19, 95–97; *Saul N.* War and Revolution: The United States and Russia, 1914–1921. Lawrence, 2001. P. 216–218; *Walworth A.* Woodrow Wilson. Vol. 2. Boston, 1965. P. 146–156, 164–173; *Unterberger B.M.* W. Wilson and the Bolsheviks: The Acid Test of Soviet-American Relations // *Diplomatic History*. 1987 (Spring). Vol. 11. № 2. P. 71–90.

² *Мальков В.Л.* Вудро Вильсон и новая Россия (февраль 1917 – март 1918 гг.) // *Новая и новейшая история*. 2000. № 1. С. 133.

те 6. Подхватывая эту мысль в блестящей книге об американской интервенции, Д. Фоглесонг также считает, что в «14 пунктах» прозвучало «беспрекословное предложение (implicit offer) помочь русским патриотам освободить Россию из-под господства Германии и немецких агентов»³. Как представляется, интервенция США в России стала логичным следствием «русской политики» американской администрации в 1917 – первой половины 1918 г. и последовательным выводом из её идейных установок и ориентиров, включая «14 пунктов».

В мировой войне президент США увидел уникальный шанс ввести заокеанскую демократию в клуб великих держав, определявших судьбы человечества, и закрепиться в нём. Заглядывая в будущее, Вильсон размышлял и о мировой гегемонии «Богом избранной» американской нации. С начала войны прилагая посреднические усилия для её прекращения, он стремился представить США «непредвзятым» судьёй, лишённым корыстных интересов в кровавом споре европейских держав⁴. Постепенно Вильсон развивал свою миротворческую программу, воспринимая и интерпретируя те прогрессивные идеи, которые высказывались либералами и социалистами как стран Антанты, так и Четверного союза. Наиболее значимыми среди них были положения о самоопределении народов, открытой дипломатии, разоружении, изменении несовершенной «блоковой» системы и создании международной организации для предотвращения войн⁵.

По мере затягивания боевых действий и роста усталости народов, всё явственнее ощущавшейся элитами воюющих держав, «мирное наступление» заокеанского лидера нарастало. В конце 1916 г. он призвал участников конфликта раскрыть свои цели в войне, а 22 января 1917 г. выступил с принципиальной речью «о мире без победы». Президент США заявлял, что в войне не должна выиграть ни одна из сторон, поскольку побеждённые будут добиваться реванша и новая глобальная бойня станет неизбежной⁶. Располагая немалой информацией о содержании секретных договоров стран Антанты, Вильсон воздерживался от их публичной оценки, но давал понять, что имеет свои виды на условия будущего миропорядка⁷. Своё отношение к секретным замыслам Антанты Вильсон весьма чётко выразил весной 1917 г., заявив министру иностранных дел Великобритании А.Дж. Бальфуру, что Вашингтону «нецелесообразно» к ним присоединяться⁸.

И даже вовлекая страну в войну, президент в речи, произнесённой 2 апреля 1917 г., пытался сохранить за собой роль справедливого рефери, оставшегося над схваткой. Он утверждал, что США вступили в битву с германским авторитарным, милитаристским режимом, а не с немецким народом. В этой же речи выразилась эйфория, захлестнувшая американское общество после падения царского режима (к которому Вильсон относился с немалым предубеждением) и возникновения «новорождённой русской демократии». Президент заявлял

³ *Saul N.* Op. cit. P. 218; *Foglesong D.* Op. cit. P. 65.

⁴ *Козенко Б.Д.* Посредничество без кавычек... Миротворчество США в 1914–1916 гг. (Характер и цели) // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 72–83.

⁵ *Link A.S.* Op. cit. P. 73.

⁶ *The Papers of Woodrow Wilson / Ed. A.S. Link (далее – PWW). Vol. 40. Princeton, 1982. P. 533–539.*

⁷ PWW. Vol. 42. Princeton, 1983. P. 140. Подробнее см.: *Листиков С.В.* К истории нейтралитета США в Первой мировой войне. Беседа в Белом доме 9 января 1915 г. // Новая и новейшая история. 2005. № 6.

⁸ PWW. Vol. 32. Princeton, 1983. P. 44–45; Vol. 42. P. 140.

о своей вере в демократическое будущее русского народа и надеждах на сотрудничество с ним в борьбе с кайзером и в послевоенной «Лиге чести» (Лиге Наций), идею создания которой он вынашивал⁹.

Весной 1917 г. Вильсону пришлось погрузиться в решение вопросов, связанных с участием США в войне, но инициативу в процессе глобального миротворчества он упускать не хотел. Между тем меньшевистско-эсеровский Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в марте 1917 г. выдвинул броские «русские лозунги» достижения справедливого мира без аннексий и контрибуций, получившие немалый резонанс даже в США¹⁰. Вскоре апрельский кризис показал, насколько неприемлемы были для русского народа экспансионистские устремления «своего правительства». Отставка П.Н. Милюкова являлась для союзных держав и США весьма прискорбным событием, поскольку именно он, будучи министром иностранных дел, олицетворял готовность России сражаться до победного конца. Между тем страна впадала в хаос и кровавую смуту, росло влияние социалистов, всё чаще происходили крестьянские и рабочие волнения, политические кризисы, выступления «крайних» – «июльские кровавые дни», корниловский мятеж. Но больше всего Париж, Лондон и Вашингтон беспокоило то, что Петроград «вываливался» из союзнической обоймы, становился всё менее надёжным партнёром (это подтвердило и июньское наступление)¹¹.

Пытаясь удержаться у власти и желая продолжать войну, Временное правительство всё настойчивее подталкивало союзников и США к идее выдвижения её демократических целей¹². Позднее, 5 декабря 1917 г., американский консул в Петрограде Р.К. Тредвелл сообщил государственному секретарю Р. Лансингу о разговоре с видным меньшевиком И.Г. Церетели, ещё до захвата власти большевиками предупреждавшим английского и американского послов о том, что без «программы мира» кабинет А.Ф. Керенского долго у власти не удержится. Однако, по словам Тредвелла, «давление со стороны союзных дипломатов заставило его скрыть факты от России и мира»¹³.

Для стран антигерманской коалиции в целом и США в частности выход России из войны был бы тяжелейшим испытанием. Известный финансист С. Бертрон, посетивший Россию летом 1917 г. в составе «команды» сенатора Э. Рута, 12 декабря 1917 г. изложил это широко распространённое мнение в послании президенту. Он полагал, что если Германии удастся подчинить Россию с её громадными ресурсами, то немцы смогут оказывать сопротивление «неопределённо долго»¹⁴. А Соединённым Штатам пришлось бы решительно

⁹ PWW. Vol. 41. Princeton, 1983. P. 519–527.

¹⁰ Революция 1917 г. (хроника событий). Т. 1. М.; Пг., 1923. С. 94, 198–199, 203–204; *Тюмокин С.В.* Большевизм: страницы истории. М., 2002. С. 328–329, 333–334; *Wade R.* The Russian Search for Peace. February–October 1917. Stanford, 1969. P. 14–25.

¹¹ Подробнее см.: *Ганелин Р.Ш.* Россия и США. 1914–1917: Очерки истории русско-американских отношений. Л., 1969; *Листиков С.В.* США и революционная Россия в 1917 г. К вопросу об альтернативах американской политики от Февраля к Октябрю. М., 2006.

¹² *Игнатъев А.В.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1974. С. 207–212, 221–232, 308–316, 364–370; *Галили З.* Лидеры меньшевиков в Русской революции. М., 1993. С. 358–115; *Wade R.* Op. cit. P. 74–141.

¹³ PWW. Vol. 45. Princeton, 1984. P. 216.

¹⁴ *Ibid.* P. 282–283. Сепаратный мир, по словам Бертрона, приведёт к созданию под контролем Германии «независимых» Курляндии, Лифляндии, Литвы и бывшей «русской Польши» (Царства Польского), что подтолкнёт процесс расчленения России. Появление же содружества слабых, политически и экономически зависимых от Берлина государств позволило бы осуществиться «величайшей мечте немецкого империализма» (*Ibid.* P. 289–290).

форсировать перевод экономики и всей жизни общества на «военные рельсы», а также существенно ускорить подготовку армии для участия в боевых действиях в Европе, где американцы могли бы понести крупные людские потери. Вильсон же рассчитывал отправить основную часть американских войск за океан на завершающем этапе боёв не только (и не столько) для полномасштабного участия в них, сколько для подкрепления претензии США на самую значимую роль в организации послевоенного миропорядка¹⁵. В Белом доме учитывали и влияние значительного ослабления военных усилий России на действия республиканской оппозиции, всегда готовой к критике президента-демократа.

Кроме того, Вильсон опасался упустить инициативу в выдвижении миротворческих идей. 1 августа 1917 г. папа Бенедикт XV высказался за возвращение к довоенному положению (*status quo ante*). Его предложения отвечали интересам германского блока. Понимая, что Вильсону придётся реагировать на вызов Ватикана, русский посол Б.А. Бахметев сообщил Лансингу о готовности Временного правительства словом и делом поддержать президента в его стремлении к достижению справедливого мира¹⁶. Из Вашингтона папе ответили только 27 августа. Там сочли, что предложенные Ватиканом условия не обеспечат длительного мира, который возможен только после устранения милитаристских режимов, вызвавших войну и угнетающих собственные народы. При этом Белый дом возражал против расчленения империй и создания блоков, гарантирующих преференции одних держав и разрушение других, а также поддерживал равноправие больших и малых народов в достижении свободы, безопасности и самоуправления¹⁷. События подтолкнули Вильсона и его ближайшего советника Хауза к созданию в начале сентября особого аналитического центра «Инквайри», приступившего к подготовке программной речи президента¹⁸.

Захват власти большевиками создавал для «русской политики» США самые неблагоприятные перспективы. Однако случившееся 7 ноября вовсе не стало для Вашингтона неожиданным: на протяжении нескольких недель по американским и британским дипломатическим каналам поступали многочисленные предупреждения о возможности такого поворота событий¹⁹. «Новые хозяева России» проявили склонность к радикальным декларациям и жёстким действиям, разрушавшим самые смелые представления западных политиков о смысле и границах социального эксперимента, в том числе и в международных отношениях. Решительно подавляя очаги вооружённого сопротивления, они перешли к установлению диктатуры пролетариата, опиравшейся на советы и централизованный партийный аппарат, реорганизовали и усилили карательные

¹⁵ См.: *Листиков С.В.* Вступление США в Первую мировую войну и «русский фактор» // Американский ежегодник, 1998. М., 1999. С. 179–193.

¹⁶ Архив полковника Хауза. Т. 3. С. 107–124; PWW. Vol. 44. Princeton, 1983. P. 22.

¹⁷ PWW. Vol. 44. P. 57–59. Ещё 24 августа 1917 г. Э. Хауз писал президенту, что Америка не может сражаться ради сохранения «старого, узкого, эгоистического порядка». «Мы освещаем новый путь», – утверждал советник Вильсона, призывая заложить основы «более высокой международной морали» (*Ibid.* P. 40–41).

¹⁸ Директором «Инквайри» стал президент нью-йоркского центрального колледжа С. Мезес, а секретарём – известный журналист, соиздатель «Нью Рипаблик» У. Липпман. См.: Архив полковника Хауза. Т. 3. С. 122–124; *Gelfand L.E.* The Inquiry. American Preparations for Peace, 1917–1919. New Haven etc., 1963. *Печатнов В.О.* Уолтер Липпман и пути Америки. М., 1994. С. 73–92.

¹⁹ См., в частности, сообщения У. Вайзмана, переданные Вильсону через Хауза: PWW. Vol. 44. P. 387.

органы и армию, приступили к национализации банков и крупной промышленности, ограничению свободы внешней и внутренней торговли, радикальному решению земельного вопроса.

8 ноября 1917 г. в Петрограде был издан Декрет о мире, призывавший правительство и народы к немедленным переговорам о заключении демократического мира без аннексий и контрибуций. Поскольку отказ стран Антанты и США от диалога с державами Четверного союза не вызывал сомнений, следовало ожидать сепаратных переговоров с ними большевиков, т.е. фактического нарушения обязательств прежних правительств России перед союзниками. Публикация секретных договоров уже отступала от общепринятой дипломатической практики. В провозглашённой 15 ноября 1917 г. Декларации прав народов России идея «самоопределения» доводилась до крайности («вплоть до отделения») ²⁰. Всё это свидетельствовало о намерении большевиков опрокинуть складывавшуюся веками систему международных норм и отношений. Такая задача вполне соответствовала их стратегической цели – ликвидации капиталистической эксплуатации во всём мире и установлению братства трудящихся всех стран. Причём для её решения и осуществления «мировой революции» допускалось вмешательство в дела других народов.

В США многие быстро осознали опасность, грозившую существующему правопорядку. Влиятельный либеральный журналист Л. Колкорд 8 декабря писал Вильсону о том, что вожди Советской России попытаются «насильно навязать социальную революцию народам, которые коренным образом к ней не готовы». 2 января 1918 г., анализируя в письме президенту появившееся 30 декабря 1917 г. «Обращение Народного комиссариата иностранных дел к народам и правительствам союзных стран», Лансинг отметил, что большевики призывают к «определённому классу общества, который они хотели бы поднять против нынешнего порядка вещей» ²¹.

В конце 1917 г. в «русском вопросе» Вильсон держал паузу. В его окружении лишь немногие верили в то, что большевики пришли к власти «всерьёз и надолго». Хотя об этом президента предупреждали Колкорд и глава миссии Красного Креста в России У.Б. Томпсон ²². На заседании кабинета 30 ноября 1917 г. только министр внутренних дел Ф. Лейн допускал, что «правительство Троцкого удержится, и его нелегко будет свалить», остальные придерживались иной точки зрения ²³. Лансинг, личный секретарь президента Дж. Тэмелти, сотрудник Русского отдела Государственного департамента Б. Майлз, посол США в России Д. Фрэнсис и консул в Москве М. Саммерс, а также посол России в США Б.А. Бахметев придерживались определённо антибольшевистской позиции ²⁴. Близкий к Вильсону и Хаузу британский разведчик и дипломат У. Вайзман и лорд Р. Ридинг, с января 1918 г. занимавший пост посла Великобритании в США, не исключали силовое вмешательство в «русские дела», считали желательным участие в нём США и не скрывали сочувствия к националь-

²⁰ Документы внешней политики СССР (далее – ДВП СССР). Т. 1. М., 1958. С. 11–15, 21–22.

²¹ PWW. Vol. 45. P. 250–253, 427–430. См. также: *Нежинский Л.Н.* В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 гг. М., 2004. С. 8–46.

²² PWW. Vol. 45. P. 442–147, 191–193.

²³ Ibid. P. 176.

²⁴ Ibid. P. 205–207, 228–230, 433–435, etc.

ным движениям на территории российского государства, надеясь в будущем использовать их для его ослабления²⁵.

Вильсон, всё же знавший Россию поверхностно и слышавший противоречивые мнения, колебался. К тому же среди тех его советников, кто знал её лучше, было крайне мало людей, которым хозяин Белого дома – сложный человек и политик – полностью бы доверял. События же в России неслись галопом, не давая президенту возможности обстоятельно их осмыслить. Не сочувствуя большевикам, Вильсон едва ли особо симпатизировал и их противникам – как потерявшим власть либералам и социалистам из числа членов Временного правительства, так и генералам, часть которых придерживалась крайне консервативных, монархических убеждений. Тем не менее он активно искал точку опоры на «русском направлении» своей политики, пользуясь в том числе и историческими аналогиями. 13 ноября 1917 г. президент написал Ф. Кларку, что не потерял веру в русский народ, который в будущем займёт достойное место в сообществе наций, и сравнивал страшные испытания, переживаемые Россией, с выпавшими некогда на долю Франции, но отнюдь не лишившими её вкуса к демократии²⁶.

Так или иначе, в Вашингтоне стремились установить контакт с теми центрами силы на территории России, которые пользовались заметной народной поддержкой и могли в перспективе сыграть определяющую роль в судьбе страны. Большевики были одним из них. 1 января 1918 г. Вильсон сам просил Лансинга «наиболее осуществимым и вызывающим наименьшие возражения путём (если такой имеется)» наладить неформальные связи с Петроградом, но без ущерба для репутации творцов американского внешнеполитического курса²⁷. Недоброжелательное отношение к большевикам общественного мнения и правящей элиты США (настроения которой вполне разделяли и в Белом доме) заставляли проявлять крайнюю осмотрительность при установлении и поддержании подобных контактов. В начале декабря президент говорил французскому послу Ж. Жюссерану, что с большевиками следует быть «крайне осторожными», ограничиваясь решением самых неотложных вопросов и исключая любой намёк на одобрение их действий. Желательно было избегать даже протестов, которые могли считаться «формой признания существования этой группы»²⁸.

Более благосклонно воспринимали в Вашингтоне появление центров антибольшевистского движения, лидеры которого выражали готовность продолжать сражаться с германцами. В конце 1917 г. были отмечены осторожные контакты американцев с генералами М.В. Алексеевым, Л.Г. Корниловым и А.М. Калединым на юге России, а также попытки их финансовой подпитки через англичан²⁹. Но в целом происходившее в России Вильсон по-прежнему считал внутренним делом её граждан, а он искренне верил в право народов самостоятельно определять свою судьбу. Как выяснилось впоследствии, взятая Вильсоном «пауза» дала большевистскому режиму возможность выжить и укрепиться.

А вот на идейный вызов большевиков президенту США, претендовавшему на роль глобального и первенствующего миротворца, нужно было отвечать без-

²⁵ См., в частности: *Ibid.* P. 311–313.

²⁶ *Ibid.* P. 39.

²⁷ *Ibid.* Vol. 45. P. 417.

²⁸ *Ibid.* P. 220.

²⁹ См.: Ганелин П.Ш. Советско-американские отношения в конце 1917 – начале 1918 г. Л., 1975. С. 67–91, 118–122; Foglesong D. *Op. cit.* P. 79–105. Л. Колкорд (и не он один) точно предсказывал 8 декабря 1917 г. «достаточно очевидное» развитие событий: дело шло к Гражданской войне, к которой Россию «подталкивали» союзники (*PWW.* Vol. 45. P. 250–253).

отлагательно. Он не мог игнорировать то, что миллионам простых людей, смертельно уставших от тягот и потерь войны, большевистские идеи казались во многом привлекательными, однако не сомневался, что «товарищи» ими умело манипулировали. По свидетельству военно-морского министра Дж. Даниельса, 27 ноября 1917 г. на заседании кабинета президент заявил, что высказывания Ленина и Троцкого звучат, как «оперная буффонада». Вильсон не понимал, как можно всерьёз говорить о прекращении войны с Германией, когда «ребёнку ясно», что правящий там авторитарный режим «будет контролировать, определять и разрушит» любую надежду на заключение приемлемого для русских демократического мира. Тогда же он привёл выдержку из речи Троцкого, утверждавшего, будто Белый дом вовлечёт народ Америки в войну ради «интересов Уолл-стрит» и прибылей торговцев оружием³⁰. Самолюбивый президент, убеждённый в бескорыстии своих намерений и действий, не мог воспринять эти слова иначе, как оскорбление.

Задевало Вашингтон и то, что отказ союзников и США от участия в переговорах с германским блоком расценивался в Петрограде как проявление «притязаний империализма» и попытка найти «беспринципный компромисс» между ними и подлинным демократическим применением принципа самоопределения к народам «Ирландии, Египта, Индии, Индокитая и пр.» под тем предлогом, «будто старые захваты, старые насилия сильных над слабыми освящены исторической давностью»³¹. Выступая против подобных оценок, Лансинг 2 января 1918 г. в письме к Вильсону доказывал, что самоопределение Индии, Ирландии и ряда иных стран, являвшихся неотъемлемой частью определявших мировой порядок держав, нарушило бы их суверенитет и территориальную целостность, а также внесло бы разлад в систему международных отношений³².

По-видимому, не случайно в меморандуме, подготовленном работниками «Инквайри» незадолго до произнесения «14 пунктов», С. Мезес, Д.Х. Миллер и У. Липпман констатировали, что русская революция своим примером неизбежно будет оказывать «разлагающее воздействие» на ситуацию в Германии³³. Но в Вашингтоне, видимо, опасались, что и там после падения авторитарной власти развитие революционного процесса не остановится и может пойти по «русскому сценарию». Во всяком случае, на следующий день после провозглашения «14 пунктов» Вильсон говорил за завтраком С. Спринг-Райсу о своём стремлении провести чёткую грань между кайзеровским режимом и немецкой парламентской оппозицией, а также опровергнуть «блеф», использованный германскими правящими кругами для сокрытия и оправдания своих истинных целей в войне³⁴.

Разрабатывая «14 пунктов», Вильсон соотносил свои шаги с событиями, происходившими на Восточном фронте, и переговорным процессом в Брест-Литовске. 15 декабря Советская Россия и страны Четверного союза подписали соглашение о перемирии, через неделю начались переговоры на основе «русской формулы» демократического мира без аннексий и контрибуций, с которой

³⁰ PWW. Vol. 45. P. 147.

³¹ ДВП СССР. Т. 1. С. 68.

³² PWW. Vol. 45. P. 428–429.

³³ В этом меморандуме подробно анализировались перспективы хода войны с учётом внутривнутриполитического положения стран-участниц, изменения их военно-стратегических и геополитических планов в связи с выходом России из рядов союзников (Ibid. 45. P. 459–474).

³⁴ Ibid. P. 549.

формально согласились и представители Центральных держав. Но уже 25 декабря, воспользовавшись тем, что союзники и США игнорировали призывы Советской республики, германский статс-секретарь по иностранным делам Р. Кюльман заявил о неприемлемости условий Петрограда в том случае, если их не поддержат другие государства антигерманской коалиции. Дипломатические манёвры Берлина Вильсон справедливо назвал «блефом», понимая, что там изначально и не думали о заключении демократического мира. Между тем в Вашингтоне видели, что Русский фронт разваливается³⁵. Оказавшимся в тупике большевикам ничего не оставалось, как 30 декабря ещё раз обратиться к народам и правительствам Антанты и США с призывом принять участие в мирных переговорах.

Отношение Белого дома к происходившему в Брест-Литовске чётко выразилось ещё 4 декабря 1917 г. в ежегодном послании «О положении страны». В нём отмечалось, что в воздухе носятся идеи справедливого мира, по условиям которого «ни один народ не должен быть наказан за преступления, совершённые безответственными правительствами». Но правители Германии пользуются этими представлениями для того, чтобы обмануть русских и убедить их в возможности заключить мир «преждевременно», до того, как авторитарные режимы потерпят окончательное поражение. Между тем лозунг «мира без аннексий и контрибуций», как утверждал Вильсон, должны осуществить те, кто вернёт ему истинный смысл, выразив волю народов к демократии и справедливости³⁶.

Выступая перед Конгрессом 8 января 1918 г., Вильсон указал на принципиальные причины, не позволявшие США и их союзникам договариваться с правительством кайзера. А уже 9 января немцы заявили в Брест-Литовске, что ввиду неуступчивости Антанты и США не считают себя связанными советскими условиями. «Согласно полученным сообщениям, мирные предложения Германии в Брест-Литовске не оставляют сомнений в её империалистических намерениях», – сообщал 11 января в Лондон Спринг-Райс. 18 января 1918 г. России были предъявлены грабительские требования³⁷.

Троцкий, о словах которого в Вашингтоне становилось известно из донесений Фрэнсиса, допускал, что в силу позиции германской стороны сепаратный мир может и не состояться³⁸. Действительно, исход переговоров казался непредсказуемым. К примеру, 28 декабря советская делегация прервала их и выехала в Петроград, протестуя против претензий Германии на фактическую

³⁵ Ещё 7 ноября 1917 г. известный правый социалист Ч.Э. Рассел, внимательно следивший за развитием ситуации в России, сообщил Вильсону, что русская армия сражаться более не желает, поскольку войны не хочет весь русский народ. Отвечая Расселу, президент отметил, что в оценке «русской ситуации» их взгляды совпадают (PWW. Vol. 44. P. 557–558). Военный атташе США генерал У. Джадсон 14 ноября констатировал: Россия вскоре окажется в состоянии хаоса и вне войны (PWW. Vol. 45. P. 104–105), а Лансинг 4 декабря открыто осуждал попытки большевиков заключить мир «даже ценой утраты национального достоинства» (Ibid. P. 205–207).

³⁶ PWW. Vol. 45. P. 196.

³⁷ Ibid. P. 572; ДВП СССР Т. 1. С. 67–71. О начальном этапе переговоров в Брест-Литовске см.: *Чубарьян А.О.* Брестский мир. М., 1964. С. 63–129; *Фельштинский Ю.Г.* Крушение мировой революции. Брестский мир: октябрь 1917 – ноябрь 1918. М., 1992. С. 144–187.

³⁸ В декабре 1917 г. с молчаливого согласия посла Фрэнсиса генералу У. Джадсону и Р. Робинсу, представлявшему Американский Красный Крест, удалось установить неформальные контакты с советским руководством. См.: подробнее: *Ганелин П.Ш.* Советско-американские отношения... С. 92–99, 109–112; *Gandner L.S.* Safe for Democracy. The Anglo-American Response to Revolution. 1913–1923. N.Y., 1984. P. 159–160; *Williams W.A.* American-Russian Relations, 1781–1947. N.Y., 1952. P. 11–116, 119–122.

аннексию прибалтийских и польских земель³⁹. Понимая подлинные намерения Берлина и предвидя сложность переговорного процесса, Вильсон, вероятно, не исключал, что, выдвинув справедливые цели, США смогут сохранить Россию в войне. Сам президент публично в этом не признавался, однако многие его корреспонденты открыто высказывали подобные соображения. Так, Фрэнсис 3 января 1918 г. писал ему, что если что-то ещё может удержать русских в войне, то это изложение широких, демократических условий мира⁴⁰. Вместе с тем Вильсон не желал откликаться на инициативы большевиков специальным посланием, поскольку такой ответ, как объяснял президент на заседании кабинета 27 ноября, неизбежно содержал бы в себе «элемент признания»⁴¹. А признавать власть народных комиссаров он не собирался.

К началу 1918 г., готовя свою речь, Вильсон творчески осмыслил новаторские идеи, звучавшие в разных странах или рождавшиеся в его «ближнем» и «дальнем» окружении. Основные советники – специалисты «Инквайри» предложили, учитывая крайнюю неопределённость ситуации в огромной стране, высказаться о важных для России проблемах в весьма ёмких, но абстрактных выражениях. По их мнению, следовало заявить о готовности искать не только военное решение глобального конфликта, но и новые подходы к организации послевоенного миропорядка на основе демократических принципов, включая образование Лиги Наций⁴². Самый весомый вклад в написание документа 4–7 января 1918 г. внёс Хауз (работая над формулировкой пункта 6, касавшегося России, он консультировался с Бахметевым)⁴³. Кроме того, с разной степенью настойчивости свои рекомендации президенту предлагали Лансинг, Фрэнсис, Рассел, Томпсон, Джадсон, Майлз. В частности, Майлз полагал, что после того как Фрэнсис получил от правительства большевиков предложение об участии США в мирных переговорах, Вашингтону необходимо публично объявить о своей «русской политике». Обращаясь к государственному секретарю, он советовал включить в президентскую речь выражение дружеских чувств по отношению к русским и заявление о том, что США, преследуя в войне исключительно справедливые цели, полны решимости помочь России переустроить жизнь на демократических началах и готовы признать правительство, созданное свободным волеизъявлением её граждан. Не менее важно было отметить, что «русская революция – эпохальное явление» и США не хотят видеть её первые положительные результаты уничтоженными Германией. Майлз предлагал заявить, что американцы надеются на русский народ, который сверг собственный авторитарный режим и не склонит голову перед иноземным. Эти декларации следовало также подкрепить программой конкретных действий на «русском направлении» (продолжение гуманитарных поставок, обширная пропагандистская деятельность через Комитет общественной информации, наконец, поддержка сил «закона и порядка», особенно на Юге России, но не для разжигания гражданской войны, а ради борьбы против захвата страны германцами)⁴⁴.

³⁹ Чернин О. В дни мировой войны. Записки австрийского министра иностранных дел. М.: Пг., 1923. С. 205–207.

⁴⁰ PWW. Vol. 45. P. 433–435. Ту же мысль высказывал в письме к военному министру Н. Бейкеру и генерал Джадсон (Ibid. P. 104–105).

⁴¹ Ibid. P. 147.

⁴² Ibid. P. 467.

⁴³ Kennan G.F. Russia Leaves the War. P. 243, 257; Link A.S. Op. cit. P. 82.

⁴⁴ PWW. Vol. 45. P. 543–545.

О притягательности «классовых призывов» большевиков для социальных низов США в случае нарастания трудовых конфликтов предупреждали президента консервативный лидер крупнейшего профсоюзного объединения страны – Американской федерации труда (АФТ) С. Гомперс (9 ноября) и известный либеральный журналист Л. Стеффенс (28 декабря)⁴⁵. Свои предложения высказывали и специалисты по «русскому вопросу», как бы остававшиеся в тени, но во многом определявшие позиции ведущих американских политиков и дипломатов. К их числу относились постоянно консультировавший Фрэнсиса и Дж. Крила глава русского отделения Комитета общественной информации Э. Сиссон, прогрессивный журналист А. Буллард, с осени 1917 г. выполнявший миссию личного эmissара Хауза в России, и др.

Прислушивались в Белом доме и к выступлениям дипломатов и политиков стран Антанты (Жюссерана, Ллойд Джорджа, Вайзмана и др.). Так, Бальфур 5 января 1919 г. информировал Вашингтон о заявлении Ллойд Джорджа, прозвучавшем накануне на встрече с лидерами тред-юнионов. В нём к целям войны были отнесены самоопределение народов (включая учёт мнения населения германских колоний), создание международной организации для поддержания мира, проведение демократических преобразований в государствах и безусловное соблюдение прав их граждан. При этом Бальфур выражал надежду на то, что лидер США поддержит английского премьер-министра и выступит в том же духе, а это станет достойным ответом на большевистские призывы⁴⁶. В целом же «14 пунктов» можно назвать продуктом коллективного творчества.

8 января 1918 г. в выступлении перед обеими палатами Конгресса Вильсон предлагал кардинальную реформу всей системы международных отношений, основанную на либеральных принципах самоопределения и справедливости по отношению ко всем «большим и малым» народам и предусматривавшую создание организации, обеспечивающей предотвращение войн⁴⁷. Речь стала ответом приверженцам традиционной «силовой» дипломатии. Но основными своими оппонентами Вильсон считал большевиков с их разрушительными общественно-политическими новациями. Поэтому едва ли можно согласиться с мнением известного учёного, будто «самым же ошеломляющим было одобрение в первой части речи переговоров в Брест-Литовске и дипломатии большевистских властей (“русских представителей”) на этих переговорах»⁴⁸. Реакция Вашингтона на сепаратные мирные переговоры была резко негативной. Сложнее понять, кого именно имел в виду Вильсон, говоря о «русских представителях» в Брест-Литовске. Он с неподдельным энтузиазмом отзывался об их попытках добиться «открытых переговоров», свидетелями которых станет «всё человечество». По его словам, они действовали «весьма справедливо и мудро», «искренно и серьёзно» требуя справедливых условий мира и отказываясь обсуждать предложения, «стремящиеся к завоеванию и господству». Президент открыто выражал свою симпатию к русскому народу, который в самые тяжёлые времена «не желает уступить ни в принципе, ни на деле»: «Его точка зрения на то, что

⁴⁵ По зову Гомперса Вильсон 12 декабря выступил на съезде АФТ, осудив «незаконные» действия анархо-синдикалистов и призвав организованных рабочих Америки в условиях войны выполнить патриотический долг и отказаться от стачек. См.: *Foglesong D.* Op. cit. P. 35–36.

⁴⁶ PWW. Vol. 45. P. 486–487.

⁴⁷ Ibid. P. 534–539; Речи Президента Вильсона. Условия всеобщего мира, предложенные Американским Президентом Вильсоном. Речь в конгрессе 8 января 1918 г. Американское бюро печати. М., 1918 г.

⁴⁸ Мальков В.Л. Указ. соч. С. 123.

является справедливым, гуманным и приемлемым для него, была установлена с такою откровенностью, широтою взглядов, душевным благородством и чувством симпатии к человечеству, что должно вызвать восхищение всякого истинного друга человечества». 9 января глава Белого дома признал, что был «поражён» здравым смыслом русских предложений в Брест-Литовске⁴⁹.

Но не случайно Вильсон даже не упомянул в своей речи о большевиках, используя выражения «русский народ» и «русские представители». В них он видел выразителей принципов демократической революции, свергшей царизм весной 1917 г. и выдвинувшей лозунг справедливого мира между народами. Заслуга большевиков в данном случае виделась ему в том, что они подхватили эту идею и предъявили её человечеству.

Развивая свою мысль и характеризуя тех, кто представлял в Брест-Литовске Центральные державы, Вильсон ставил вопрос: «Выступают ли они от имени большинства своих парламентов, или от имени партийного меньшинства, того милитаристического и империалистического меньшинства, которое до сих пор господствует над всей политикой Германии и Австрии, и подчиняло своему контролю Турцию и те балканские государства, которые оказались вынужденными сделаться их союзниками в этой войне?». Вильсон вновь повторял, что пока Германией правят Вильгельм II и «военные генералы, которые думают только об одном – сохранении завоёванного», западные демократии вступить с ними в диалог о мире не смогут⁵⁰.

Лидер США недвусмысленно предупреждал «петроградских мечтателей»: не следует вести сепаратные переговоры с кайзеровским режимом, они не принесут ничего, кроме грабежа и унижения, согласие же на позорную сделку будет предательством русского народа, интересов страны и идеалов демократического мира, провозглашённых революцией в 1917 г. Реакцией на это, предостерегал президент, станет утрата доверия США и тех политических сил в Европе, которые искренне стремились удержать Петроград от пагубного шага, подтверждающего худшие подозрения в том, что новая власть не самостоятельна и является всего лишь орудием немецкой интриги⁵¹. Вильсон не скрывал, что переговоры в Брест-Литовске стали для него вызовом. Но он принимал его, вопреки тем, кто твердил о неготовности стран Антанты и США обсуждать условия будущего мира, и предлагал свои «14 пунктов».

Учитывая исключительную популярность лозунга национального самоопределения на завершающем этапе мировой войны, Вильсон размышлял о возможности и допустимых границах его осуществления. «14 пунктов» стали важным шагом на пути признания президентом принципиальной совместимости идей самоопределения народов и сохранения территориальной целостности больших многонациональных государств. Россию Вильсон также предпочитал бы видеть, говоря словами известного американского учёного Л. Гарднера, «либеральной, но не расчленённой»⁵². В 1918–1920 гг. у него был соблазн согласиться с рекомендациями ближайших советников и признать факт распада

⁴⁹ Речи президента Вильсона... С. 2, 3, 5; PWW. Vol. 45. P. 549.

⁵⁰ Речи президента Вильсона... С. 2, 3.

⁵¹ В донесении в Лондон 27 декабря Спринг-Райс сообщал о весьма пессимистической оценке ситуации в России, высказанной Хаузом: эту страну уже следовало рассматривать как «возможную германскую колонию» (PWW. Vol. 45. P. 370).

⁵² *Гарднер Л.* Вильсоновское понятие «либеральной» политики в контексте событий в имперской Германии и революционной России в годы Первой мировой войны // *Первая мировая война: Пролог XX в.* М., 1998. С. 323.

Российского государства. Но Вильсон эту грань не перешёл, хотя и делился в ноябре 1918 г. с Лансингом своими сомнениями, возможно ли предоставить русским место за столом мирных переговоров, с учётом «нынешнего, по крайней мере, временного расчленения России на пять частей – Финляндию, Балтийские провинции, европейскую Россию, Сибирь, Украину»?⁵³.

В «14 пунктах» содержался лишь неопределённый намёк на то, что России ещё предстоит «самоопределиться» в своей национальной политике. При этом не случайно не было и речи о выражении благосклонного внимания к идее самоопределения национальностей (в разных формах) на российской территории⁵⁴. В Вашингтоне не исключали, что к власти вскоре придут враждебные большевикам силы, настаивающие на сохранении единства государства и на его возвращении в ряды антигерманской коалиции. К тому же Вильсон и его ближайшее окружение, несмотря на большевистский переворот, продолжали видеть в России и русском народе прежде всего партнёра по общей борьбе. Не случайно 28 ноября 1917 г. находившийся в Париже Хауз, заметив, что в американской печати всё чаще стали относиться к России, «как к врагу», призвал президента и государственного секретаря «подавить» (supress) эту опасную тенденцию, способную подтолкнуть русских в объятия Германии⁵⁵.

Едва ли Вильсон не замечал угроз, таившихся в лозунге «самоопределения наций». Распад империй на «национальные» составляющие стимулировал бы рост национализма, оживлял бы тлевшие десятилетиями межэтнические конфликты, что было чревато вовлечением в них великих держав и грозило новой глобальной катастрофой. Да и создание Лиги Наций, которому Вильсон придавал особое значение, заметно облегчалось при наличии меньшего числа государств с предсказуемой внешней политикой.

Поэтому об изменении границ в Европе Вильсон говорил весьма осторожно. Так, в пункте 10, предусматривалось предоставление народам Австро-Венгрии возможности «автономного развития», характер которого не уточнялся. «В знаменитых “Четырнадцать пунктов” президента В. Вильсона (январь 1918 г.), – отмечал В.Н. Виноградов, – статьи, касавшиеся Австро-Венгрии, носили отпечаток неопределённости: предоставление её народам автономии, освобождение оккупированных Центральными державами на Балканах территорий, обеспечение Сербии выхода к морю. Это можно было трактовать как курс на федерализацию обновлённой, а не распавшейся державы. Именно к такой интерпретации склонялся сам президент»⁵⁶. Похожая формулировка использовалась в пункте 12 применительно к «другим национальностям, находившимся теперь под турецкой властью», тогда как собственно «турецким областям, входившим в состав существующей ныне Оттоманской империи, должен быть гарантирован прочный суверенитет»⁵⁷. Таким образом, рассуждая о будущем мироустройстве, Вильсон предпочитал обтекаемые выражения даже в тех случаях, когда речь шла о союзниках Германии. Едва ли он решился бы проявлять болезненный интерес к национальным проблемам российской

⁵³ PWW. Vol. 53. Princeton, 1988. P. 136

⁵⁴ Речи президента Вильсона... С. 8.

⁵⁵ PWW. Vol. 45. P. 151–152.

⁵⁶ Речи президента Вильсона... С. 9; Виноградов В.Н. На руинах многонациональных империй // Первая мировая война: Пролог XX в. С. 330.

⁵⁷ Речи президента Вильсона... С. 9.

государственности, тем более – в документе, ставшем достоянием всего человечества.

Конечно, часть земель, до войны входивших в состав Российской империи, в пункте 13 предполагалось передать восстанавливаемой независимой Польше, как и другие территории, «населённые безусловно польским элементом, причём этому государству должен быть обеспечен свободный и надёжный выход к морю»⁵⁸. Однако подобное решение «польской проблемы» весной 1917 г. приветствовали и в революционном Петрограде. Так, в появившемся ещё 29 марта обращении к полякам указывалось, что «Временное правительство считает создание независимого польского государства, образованного из всех земель, населённых польским народом, надёжным залогом прочного мира будущей обновлённой Европы»⁵⁹.

Пункт 6 программы Вильсона был посвящён непосредственно положению России. Президент не мог не понимать, что, выпадая из войны, она становилась объектом острой схватки за влияние в ней между Берлином и бывшими союзниками. Поэтому для противодействия немецкой интриге Вильсон требовал вывода германских войск из захваченных областей и предлагал гарантировать России «самое лучшее и свободное содействие со стороны других наций (выделено мной. – С.Л.) в деле получения полной беспристрастной возможности принять независимое решение относительного собственного политического развития и национальной политики»⁶⁰. Тем самым под благовидным предложением «помощи» западные демократии фактически наделялись правом активного вмешательства в решение «русских дел». Формы «содействия» не уточнялись, что, как выяснилось позднее, приоткрывало дверь для интервенции. Результатом волеизъявления русского народа при благожелательной опеке стран Антанты и США стало бы вступление России в Лигу Наций⁶¹. Таким образом, его исход оказывался по существу предрешённым.

В то же время Вильсон, который был неплохо осведомлён о не лишённых корысти планах англичан и французов использовать в своих интересах ослабление бывшего союзника⁶², весьма чётко противопоставлял им исключительно дружественную политику США. «Отношение, которое будет предъявлено другими братскими народами в течение грядущих месяцев, – говорил он, – явится тем пробным камнем, на котором будут испытаны их добрые чувства к ней (России. – С.Л.), их понимание её нужд, отличающихся от их

⁵⁸ Там же. С. 9–10.

⁵⁹ Революция 1917 г. (хроника событий). Т. 1. С. 98.

⁶⁰ Речи президента Вильсона... С. 8.

⁶¹ Там же. С. 8, 10.

⁶² Секретный вояж министра британского кабинета Р. Милнера и помощника министра иностранных дел Великобритании Р. Сесия и их переговоры с премьер-министром Ж. Клемансо и министром иностранных дел Франции С. Пишоном в декабре 1917 г. завершились подписанием меморандума о координации антибольшевистских действий двух стран на Юге России. Документ предполагал раздел его на зоны ответственности: в британскую входили казачьи области, Кавказ, Грузия, Армения, Курдистан, во французскую – Украина, Крым, Бессарабия (см.: Штейн Б.Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.). М., 1949. С. 27–29; Carley M. Revolution and Intervention. The French Government and the Russian Civil War 1917–1919. Kingston, 1983. P. 27, 204). При этом участники сделки отнюдь не забывали о своих экономических интересах в регионе, его природных богатствах (уголь, нефть и хлеб) и геополитическом значении. Информировав американцев о документе, англичане сообщили, что Украина войдёт в сферу французских интересов, а «мы возьмём на себя другие южные провинции» России (PWW. Vol. 45. P. 417–419).

собственных интересов, их мудрость и бескорыстность их симпатий»⁶³. О возможности же признания большевиков или враждебных им центров власти на просторах бывшей Российской империи в президентской речи не упоминалось вовсе.

Сформулированные в «14 пунктах» принципы будущего миропорядка, самоопределения и равноправия народов внешне во многом перекликались с ленинскими. Но это было скорее совпадение лозунгов, в которые вкладывался различный смысл: Вильсон стремился к глубокой реформе основ международных отношений, включая и их моральное обновление, но не допускал их разрушения, о чём мечтали сторонники «мировой революции». Едва ли он был бы рад оказаться в одной компании с русскими большевиками.

Однако повлиять на позицию их вождей президент США несомненно хотел. Распространение его речи в России осуществлялось Комитетом общественной информации Дж. Крила с размахом, характерным для её деятельности в годы мировой войны. Глава русского отделения этой организации Сиссон 13 января сообщил в Вашингтон о том, что до 100 тыс. экземпляров текста послания Конгрессу будет за три дня расклеено на стенах петроградских зданий, а ещё 300 тыс. – роздано на улицах в течение пяти дней. В Москве также планировалось провести масштабную пропагандистскую акцию. По миллиону копий «14 пунктов» на русском и немецком языках предполагалось разослать по каналам Американской христианской молодёжной ассоциации. Речь Вильсона опубликовали правительственные «Известия», тираж которых доходил до 1 млн экземпляров. Впрочем, как отмечал Сиссон, в отзывах большевистской печати преобладал «циничный подход»⁶⁴.

Впоследствии Сиссон рассказывал, насколько позитивно и эмоционально оценил «14 пунктов» В.И. Ульянов (Ленин), будто бы особо отметивший понимание президентом честности намерений большевиков⁶⁵. Но, разумеется, создатель советского государства не отказался от собственной классовой оценки США, которые объявлялись им «врагом мирового большевизма». По его словам, «идеализированная демократическая республика Вильсона оказалась на деле формой самого бешеного империализма» и «самого бесстыдного угнетения и удушения слабых и малых народов». Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением крупного американского учёного А. Улама: «Громко провозглашённые президентом Вильсоном цели, которые союзники преследовали в войне, являлись для Ленина постоянным раздражителем»⁶⁶.

Так или иначе, пока переговоры в Брест-Литовске могли ещё завершиться безрезультатно, президент США даже после разгона 19 января 1918 г. Учредительного собрания не отказывался от неформальных связей с большевиками и старался использовать малейшую возможность, чтобы не допустить оконча-

⁶³ Речи президента Вильсона... С. 8.

⁶⁴ PWW. Vol. 45. P. 596–597.

⁶⁵ См., в частности: Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. М., 2002. С. 192–193.

⁶⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 37. С. 192–193, 216–217, 226; Улам А. Большевики: Причины и последствия переворота 1917 года. М., 2004. С. 375. Ряд политиков и дипломатов Советской республики самого высокого ранга признавали существенную разницу в политике В. Вильсона, который, как сказал в 1919 г. Г.В. Чичерин, дальновидно отстаивал «коллективные интересы буржуазного мира», и государственных деятелей старой школы вроде Ж. Клемансо, этого «нового Меттерниха» (Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. С. 89).

тельного выхода России из войны⁶⁷. 13 марта Вильсон даже безуспешно обращался через голову большевиков к Съезду Советов, надеясь «подтолкнуть» оппозицию Брестскому миру⁶⁸.

Между тем Ленин, стремясь сохранить власть при бедственном положении страны и армии, всё же вёл дело к заключению унижительного «похабного» мира⁶⁹. И он, и его сторонники осознавали, насколько болезненно это скажется на положении стран Антанты и США: их ожидали и огромные жертвы вследствие переброски на Запад неприятельских войск, и усиление экономического потенциала Германии (за счёт контрибуции, поставок сырья, хлеба и т.д.)⁷⁰. После сепаратного мира большевистскую Россию воспринимали едва ли не как немецкого сателлита, а это значительно увеличивало вероятность иностранного вмешательства в противостояние различных политических и военных сил на территории бывшей империи.

Присоединение США к интервенции союзников в России летом–осенью 1918 г. обосновывалось в Белом доме теми же соображениями, которые Вильсон и его окружение высказывали с начала революции в России и выразили в «14 пунктах». В Вашингтоне настаивали на необходимости «помочь самоорганизации русских» и их борьбе с «германской интригой», орудием которой всё чаще считали большевиков. Разнородные и разобшённые антибольшевистские силы действительно нуждались в объединении и согласовании их интересов. Западные политики демонстрировали беспокойство по поводу возможного вооружения большевиками немецких военнопленных в Сибири, искали способы охраны союзных складов на севере и востоке России, контроля над восточной частью Транссибирской железной дороги, намеревались «спасать» от угрозы «нападения» 60-тысячный чехословацкий корпус, следовавший во Владивосток для отправки в Европу. В памятной записке о целях направления американских войск в Сибирь, представленной западным дипломатам 17 июля 1918 г., Вильсон указывал, что эти действия не следует рассматривать как «военное вмешательство», которое лишь усилит хаос и междоусобицу. «Как это видится в нынешних условиях правительству Соединённых Штатов, – отмечал он, – военная операция в России допустима лишь с целью помочь чехо-словакам объединить свои силы и достичь успешного взаимодействия со своими славянскими братьями по крови, и придать устойчивость любым попыткам создать самоуправление или защититься, при которых сами русские захотели бы принять эту помощь (выделено мной. – С.Л.)». Англичане были более откровенны, заявив о своих надеждах восстановить Восточный фронт против Германии и доказать русским, что союзники не оставили их в беде и готовы помогать им бороться за избавление от германского господства⁷¹.

Другая задача, стоявшая перед США в ходе интервенции, заключалась в том, чтобы сдерживать амбиции и аппетиты Антанты и Японии, хотя об этом и нельзя было говорить публично. Под грохот пушек на основных театрах

⁶⁷ В Петрограде, в частности, активно действовал Р. Робинс, поддерживавший связь с Лениным и Троцким (PWW. Vol. 45. P. 369–370). О контактах дипломатов и военных стран Антанты и США с лидерами большевиков см.: Ганелин П.Ш. Советско-американские отношения... С. 91–99, 106–113, 168–184; Gardner L. Op. cit. P. 172–176; Williams W.A. Op. cit. P. 133–149.

⁶⁸ ДВП СССР. Т. I. С. 211–212.

⁶⁹ Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 256.

⁷⁰ ДВП СССР. Т. I. С. 69–70.

⁷¹ Kennan G.F. The Decision to Intervene. P. 398; Unterberger B.M. American Siberian Expedition, 1918–1920. A Study of National Policy. Durham, 1956. P. 78–79.

войны японцы без особого шума прибирали к рукам всё, что «плохо лежало» на Дальнем Востоке, и теперь в Вашингтоне вовсе не исключали их активной заинтересованности в грабеже России. Многие деятели Белого движения, включая Бахметева, поддержали идею участия США в интервенции отнюдь не только потому, что это давало шанс на успех и способствовало объединению антибольшевистских сил. В присутствии американцев они видели известную гарантию сохранения единства страны⁷². Со своей стороны, Вильсон не ставил под сомнение её будущее как единого и демократического государства. Отправляя войска в Россию, едва ли он упускал из виду долгосрочные экономические интересы США. Ведь революция должна была когда-нибудь закончиться. И тогда наиболее дружественная держава могла бы получить в качестве приза доступ к огромным природным ресурсам и рынку бывшей империи и прибыль от инвестиций в восстановление мирной жизни.

Объединение экономического, военного и политического потенциала американской и русской демократий при лидерстве Вашингтона позволило бы ему осуществлять самые амбициозные планы глобальной политики. Поэтому понятно явное нежелание Вильсона отдавать союзникам инициативу в решении «русского вопроса», включая и присоединение к интервенции. Так или иначе, демократическая администрация В. Вильсона до конца верила в способность русского народа избавиться от большевиков, последовательно отказывалась признавать Советское правительство и придерживалась принципа сохранения территориальной целостности России, выполняя моральные обязательства перед попавшим в беду партнёром⁷³.

⁷² Будницкий О.В. Бахметев – посол в США несуществующего правительства России // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 146–148; Killen L. The Search for a Democratic Russia: Boris Bakmeteff and the United States // Diplomatic History. 1978. Vol. 2. № 3 (Summer). P. 238–245.

⁷³ Подтверждением этому стала знаменитая нота государственного секретаря Б. Колби от 10 августа 1920 г. Подробнее см.: Романов В.В. В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.). М.; Тамбов, 2005. С. 286–290; Saul N. War and Revolution... P. 437–439.

Политика «нового мышления» и окончание холодной войны (1985–1990)

Александр Барсенков

«The new thinking» and the end of the Cold War (1985–1990)
Alexander Barsenkov (Lomonosov Moscow State University, Russia)

Окончание холодной войны хронологически совпадает с драматичным периодом отечественной истории, получившим название перестройка. Более того, между ними существовала не формальная, а содержательная связь. Сдвиги в советской внешней политике с 1985 г. напрямую связаны с попыткой изменения существовавших в СССР общественных отношений, вначале через совершенствование социализма советского типа, а затем посредством